

ПОЛЕТ В ЮНОСТЬ

Александр ЗАРХИ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда

САМОЛЕТ приземлился в Манагуа. После долгих часов полета, после неустойчивой московской весны сразу прохватила влажной жарой. Мы с Людмилой Савельевой беззаботно предполагали обычный «сервис» встречи киноделегации: цветы актрисе, знакомства, комфорт отеля, короткий отдых... Но не было этого. Многообразные неотложные нужды лишь недавно возникшей никарагуанской кинематографии оттесняют на второй план иные внешние традиции. Это понятно. Но поначалу показалось непривычным. Непривычное не прекращалось до самого нашего отъезда. Но было и другое «непривычное», что существует над бытом, и это оказалось тем нежданым и трогательным, что наполнило нашу поездку незабываемыми впечатлениями.

В 1972 году взбунтовалась неусмирная природа, и землетрясение уничтожило город Манагуа. В 1979-м поднялся сковавший угнетением никарагуанский народ и уничтожил власть диктатора Сомосы. Землетрясение и бои хаотично и свирепо разрушили Манагуа, и до сих пор в сложности, в небезопасности, в хлопотах революционного становления липы отдельные невысыканные коттеджи подтверждают обитаемость города. Но зато на склоне холма Манаго, со всех сторон видимые, радуют сердце внушительные буквы победы: FSLN. Сандинистский фронт национального освобождения. Всеобщий монументальный амулет — секрет счастья. Знак, добытый кровью народа. Город живет, революция живет, и энергия социального движения вселяет уверенность в будущем страны.

В НИКАРАГУА проходил фестиваль советских историко-революционных фильмов, начало которого было приурочено к дню рождения В. И. Ленина. Открытие состоялось в зале фильмотеки. На просмотре документального фильма «Ленин живой» зал был заполнен до отказа, стояли у стен, сидели на лестнице и на полу. Фильм не смотрели, фильм поглощали, факты ленинской биографии

уносили с собой, включали в действие своей молодой революции.

В Манагуа всего несколько небольших кинотеатров. В тех, что принадлежат частным лицам, крутят давно одряхлевшие американские ленты. И фестивалей наших фильмов проходили в фильмотеке и на улицах города, вернее, на его пустырях. К уцелевшей стене разрушенного дома прикреплен экран, надрыдается движок, и эта незатейливая демонстрация притягивает толпы зрителей. Приходят семьями. Смотрят стоя. Неуютными в своей заинтересованности. Волнуются при сопоставлении какого-то сюжета, события, человеческого образа с явлениями своей действительности. Так, слова профессора Полежаева: «Я остаюсь здесь, в моем нетопленном университете, но чести участия в священной революции не уступлю никому» — взрывались ассоциативным контрастом к тем девятистам местным врачам, что недавно покинули борющуюся страну, чем нанесли серьезный ущерб системе здравоохранения в Никарагуа. Об этом я услышал при обсуждении «Депутата Балтики». Здесь свежестарые истины о массовости кино. Здесь звучит напоминание о собственной молодости, решавшей свои творческие проблемы вместе со своей взрослеющей революцией. Здесь молодеют наши лучшие фильмы двадцатых—тридцатых годов. Во времена диктаторов Сомосы-отца и Сомосы-сына ни одной нашей картины в Никарагуа не показывали. Даже образованный директор Национального института кино Карлос Ибарра знает советские фильмы только по названиям. И он сам, и его помощники — все не достигшие и тридцати лет — находятся пока у истоков кинематографии, но сияют им зори грядущего, все полны веры, ждут новизны во всем и, конечно, в кино.

Я видел три небольших фильма, с большим трудом снятых тут за последние два года. Один из них посвящен Вьетнаму, второй — о ликвидации неграмотности — безотлагательный воп-

рос для народа, за долгие годы неволи звергнутого во мглу невежества и необразованности, и третий «Оборотная сторона золота», созданный Рафаэлем Варгой и Элио Родригесом, выразительно передающий нечеловеческое напряжение и жестокость условий труда и быта на американской шахте на берегу Атлантического океана. Пока снимают только документальные ленты. Своей лаборатории нет, недавно появился монтажный стол как предвестник технических усовершенствований. И потому действенное всего отдела проката кинопредвижек, работающих в полную силу своего несложного усердия. Впрочем, всякое искусство начинается с тех, кто его творит, — одну девушку посылают в Москву на режиссерский факультет ВГИКа. И, конечно, нужны актеры для театра и для кино. Вот и стоит среди вопиющих развалин двухэтажный дом, где месяц назад возникла театральная школа.

Профессионального театра в Манагуа нет, как нет и киностудии. Но молодежь из любительских кружков — участники народных представлений — почувствовала тягу к знаниям, к специальной школе и своими руками дружно и весело взялась за искалеченный дом. Он был очищен от мусора, дыры в стенах залатаны фанерой, следы автоматных пуль прикрыты масками, неприглядность скрадана театральными афишами. Здесь, как и повсюду в Никарагуа, все живет преодолением. Не сдаваться! Не отступать! И 20 энтузиастов по утрам учатся в школе общеобразовательной, а по вечерам — в театральной. Преподают либо кубинцы, либо те из здешних любителей, кто наработал кое-какой опыт во фронтовых агитбригадах. Когда я прошелся по этому израненному, трясущемуся дому, увидел, как в одной комнате танцуют, в другой, где встречается в окно обломок стены соседнего здания, звучат стихи, я был восхищен упорным стремлением никарагуанцев приблизиться к искусству в своей истстрадавшей, на протяжении долгого времени уни-

жаемой, полуграмотной стране. И верится, что кто-то из них станет создателем никарагуанского театра, а кто-то сыграет героя-никарагуанца в художественном фильме. Здесь же, как своеобразное напоминание о «Живой газете» моих школьных лет, рождаются пьесы, точнее, сценарии на жизненно необходимые темы их сложной действительности, в которую кровавыми насками врываются сомосовские бандиты. Незря в премьерной министра культуры Эрнесто Карденала постоянно дежурят автоматчики. Товарищ Карденаль, священник и поэт, осаждаемый делами и людьми, выкроил время принять нас с Людмилой Савельевой, и наша беседа о литературе и искусстве — его отдохновение! — была окрашена романтикой идей, стихов и мечтаний.

ЕЖЕДНЕВНО и многократно покрывая неуклюжесть длинных дорог, мы мчались на выступления. Все встречи с руководителями Национального института кино, с журналистами газет и телевидения, со зрителями, с учащимися театральной школы отражали не только гуманность культурного обмена, а их, никарагуанскую, жажду первичного познания кинематографических истин и элементов многосторонней советской жизни.

30 апреля, ранним вечером, во время многолюдного уличного просмотра на окраине Манагуа фильма «Член правительства», пока перезаряжалась пленка и притих движок, кинемеханик, схватив рупор, темпераментно и радостно приглашал публику на первомайский митинг. И появление на уличном экране перед тысячной никарагуанской толпой колхозницы Александры Соколовой, выступающей в Кремле, внутренним ходом истории сочеталось с сегодняшним днем этой далекой страны.

Первого мая по приглашению министра внутренних дел Томаса Борхе Мартинеса мы с Савельевой присутствовали на правительственной трибуне, благодаря чему все торжественное многолюдье митинга могли охва-

тить глазом и сердцем. А солнце палило нещадно, на трибуне те, кто постарше, береглись под сомбреро. По пути к площади Революции нас без конца останавливали часовые, проверяя пропуска. Чрезвычайное положение... И, может быть, где-то вблизи нагове пуля, нож... А часовые — почти школьники, юноши и девушки с автоматами в руках, гордые и улыбающиеся защитники свободы.

На площади почти не видно строений, но стоит преступное гнездовье Сомосы. Для никарагуанцев взятие его дворца как взятие Бастилии для французов. Победительное, навек отмеченное историей революционное событие. Среди приглашенных на первомайский праздник были патриоты, отбывавшие недавно на границе с Гондурасом атаки контрреволюционных банд. Иные из них ранены. Их было восемнадцать против восьмидесяти головорезов. С ними четырнадцатилетняя девочка с перевязанной рукой. В бою была рядом с отцом. Такое уж это здесь общее смелое дело! Ведь говорила нам Росарио Мурильо, молодая поэтесса и недавний боец, а ныне генеральный секретарь Союза работников культуры, что поэты, музыканты, художники тоже охраняют границы.

Еще в двадцатых годах, когда эта крохотная страна впервые ринулась в бой за свою независимость, Сандино предупреждал: «Янки хотят проглотить Никарагуа, как они проглотили Панаму, Кубу, Пуэрто-Рико. Братья, вспомните о Боливаре, о Сан-Мартине! Отечество в опасности!»... Он не забыл смельчаков-мечтателей XIX века, борцов за независимость испанских колоний в Америке Боливера и Сан-Мартина, как теперь не забывают и его, Сандино. Помнят и о том, что до сих пор не прекращают плести интриги американские империалисты. Помнят и об огнедышащей пасти вулкана Масая: туда, в эту громадную, угодливо разверстую «пасть ада», бандиты Сомосы бросали с вертолетов пленных партизан. Народу на площади соборалось

видимо-невидимо. На митинге с пылким темпераментом оратора, увлекаясь и увлекая, выступил Томас Борхе: «... За рубежом формируют «новое правительство Никарагуа». Вы хотите, чтобы вами правили... (называет фамилии)?» — «Нет!» — единым стотысячным гласом, вздымая руки, взрывается площадь. «Вы хотите, чтобы вернулись... (называет имена предателей)?» — «Нет!» — «Вы хотите, чтобы правили... (снова называет фамилии)?» — «Нет!» Борхе говорил долго, возбужденно и уверенно. Потом пели, решительно и мощно. «На бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, рабочий народ!» — неслось по-испански под навалившимися на людей солнцем.

Я ТАК подробно останавливаясь на впечатлениях, будто бы и не относящихся к миссии киноделегации, потому что уверен, что все происходящее ныне в Никарагуа заслуживает того, чтобы вдохновить кинематографистов на создание большого и горячего произведения о маленьком, мужественном народе, противостоящем жестокому нажиму властей США. Об этом мы беседовали на обратном пути в Москву, куда направлялась и государственная делегация Республики Никарагуа во главе с членом Национального руководства СФНО, координатором Руководящего совета правительства Национального возрождения команданте революции Даниэлем Ортегой Сааведрой.

Несмотря на то, что революция в каждой стране совершается по-своему, исходя из своей истории, социального момента и накопленного гнева и воли в сердце народа, несмотря на то, что революционные события в моей стране богаты другими особенностями, я, словно глядя в уменьшительное стекло, жил воспоминаниями о своей комсомольской юности. За это я благодарен Никарагуа.

Самолет приземлился в Москве. Пролетели тысячи километров пути, пролетели восемь трудных, утомительных и счастливых дней.

МАНАГУА — МОСКВА.